

УДК 340.113

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-812-818

Юридическая терминология в ракурсе зарубежного опыта нормативного конструирования

¹ Туранин В.Ю., ² Волков Д.А.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;

² Санкт-Петербургский университет МВД РФ,
Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1
E-mail: demonhik2005@yandex.ru; turanin@bsu.edu.ru

Аннотация. Единство использования юридической терминологии приводит к единообразию применения норм права, что отражается на стабильности всей правовой системы. В противовес этому, наличие терминологического многообразия усложняет восприятие норм права, что может приводить к деформациям правовых норм на этапе их применения. В качестве примера проведен анализ трансформации содержания термина «потребитель», закрепленного в Законе Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и иных специальных законах, регулирующих потребительские отношения. Сделан вывод о необоснованности избранного законодателем подхода по введению в оборот новых терминов, схожих по своему содержанию с термином «потребитель». На примере австралийского Закона о справедливом труде 2009 года исследованы использованные австралийским законодателем приемы работы с терминологическим аппаратом. Сделан вывод: использованные австралийским законодателем юридико-технические приемы представляются довольно успешными, поскольку позволяют достичь поставленные цели при исключении возможности двоякого толкования норм права и сохранении простоты юридических конструкций.

Ключевые слова: юридическая техника, юридическая терминология, нормы права, юридико-технические приемы, законотворческая деятельность

Для цитирования: Туранин В.Ю., Волков Д.А. 2022. Юридическая терминология в ракурсе зарубежного опыта нормативного конструирования. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 812–818. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-812-818

Legal Terminology in the Context of Foreign Law-making Experience

¹ Vladislav U. Turanin, ² Dmitriy A. Volkov

¹ Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

² Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
1 Letchika Pilutova St, Saint-Petersburg 198206, Russian Federation
E-mail: demonhik2005@yandex.ru; turanin@bsu.edu.ru

Abstract. The paper deals with the role and significance of legal terminology as a means of legal writing techniques. The authors stress that a uniform administration of legal norms is achieved by a uniform use of legal terminology and affects the stability of the whole legal system. In opposition to that, the variety of terminology, as well as new characteristics added to existing terms, complicates the perception of legal norms, which may eventually result in a deformation of the latter at the application stage. To exemplify that, the authors analyzed the content of the “consumer” term specified in the Law of the Russian Federation No. 2300-1 of 7 February 1992, “On Consumer Rights Protection”, and other special laws governing consumer relations. The lawmaker’s approach to introducing new terms having a similar

meaning to that of the “consumer” was shown to be groundless. Based on Australia’s Fair Work Act 2009, methods of working with the terminology used by an Australian lawmaker were studied. Norms of the above Act were analyzed, enabling the authors to discover an approach to the interpretation of the terms and to their use in framing legal norms that differs from the Russian one. The authors conclude that the legal writing techniques used by an Australian lawmaker appear to be rather successful, allowing to achieve the goals, excluding risks of dual interpretation, and keeping the simplicity of statutory concepts.

Keywords: legal writing, legal terminology, norms of law, legal writing techniques, lawmaking

For citation: Turanin V.U., Volkov D.A. 2022. Legal Terminology in the Context of Foreign Law-making Experience. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 812–818 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-812-818

Введение

Стабильность, отсутствие противоречий, а также единообразие применения действующих норм права традиционно признаются одними из основных задач нормативного регулирования общественных отношений. Достижение таких задач во многом зависит от качества и актуальности нормативной основы, точности изложения юридических дефиниций, доступности таковых для понимания как рядовыми гражданами, так и правоприменителями. Способствовать этому призвана юридическая техника, одним из основных средств которой является юридическая терминология. Причем особая значимость последней для эффективности нормативного регулирования фактически не вызывает каких-либо научных споров.

Так, говоря о терминологии, В.А. Толстик выделяет два относительно самостоятельных аспекта – требование к форме термина (слова или словосочетания) и требование к содержанию (к его смысловому значению) [Толстик, 2016]. Системность и точность используемого в правовых нормах терминологического аппарата признается С.В. Гуничем основой эффективности и стабильности функционирования всей правовой системы государства [Гунич, 2002]. По нашему мнению, «точное и недвусмысленное употребление юридических терминов играет важную роль и в недопущении деформации правовых норм, а ошибки в использовании юридических терминов в законодательных актах могут являться основаниями для ущемления прав и свобод граждан, служить предпосылками политико-правовых коллизий» [Туранин, 2017, с. 4].

В полной мере разделяя вышеуказанные позиции, следует отметить, что именно использование понятной терминологии, наполненной единым смыслом, позволяет сформировать однозначное понимание акторами предписаний законодателя, исключить двоякое восприятие норм права и сформировать тождественную практику применения закона на всей территории его действия.

По мнению М.Н. Семякина, цивилистическая юридическая техника без преувеличения является самой развитой из всего существующего сегодня отраслевого юридико-технического инструментария [Семякин, 2018]. Именно поэтому терминологические приемы, выработанные при формулировании норм гражданского права и смежных ему отраслей, во многом определяют и формируют тот юридический инструментарий, который будет использоваться законодателем в своей остальной деятельности.

Примеры использования юридической терминологии российским законодателем

Использование вышеуказанного подхода в качестве основного в рамках законотворческой деятельности на первый взгляд предполагает наделение конкретной правовой кате-

гории единым смыслом, а также дальнейшее ее использование в таком смысловом значении во всех существующих нормативных актах и при их разработке в будущем. Вместе с тем это не всегда представляется удобным и рациональным, поскольку для достижения целей регулирования конкретных правоотношений в определенных случаях требуется более широкое (или же узкое) понимание данной правовой категории, а также надделение ее дополнительным смысловым значением.

Вариант решения этой проблемы через введение дополнительных терминов в конечном итоге приводит к терминологическому дисбалансу, пестроте правовых категорий и наличию большого числа во многом схожих по своим характеристикам юридических понятий. Иной вариант разрешения данной проблемы, довольно часто используемый законодателем, представляет собой дополнение основополагающей правовой категории какими-либо конкретизирующими признаками, что в каждом случае ее использования утяжеляет норму права, усложняет ее восприятие и последующее внесение изменений в закон, что также может привести к различному ее толкованию на стадии правоприменения.

Одним из характерных примеров изложенного может служить использование законодателем категории «потребитель» и смежных ему понятий в законодательстве, регламентирующем потребительские отношения в России.

Так, действующий Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» является не только основополагающим актом, регламентирующим указанную сферу отношений, но и фактически модельным законом, поскольку в нем установлены объем прав и обязанностей потребителя, их содержание, а также правовые конструкции, которые впоследствии были воспроизведены во всех специальных законах, так или иначе затрагивающих сферу потребительских отношений¹.

Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» содержит довольно четкое определение категории «потребитель» через раскрытие и описание характера правоотношений, в которые вступают стороны договора. В то же время принятый позднее Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», являясь специальным и регламентируя оказание потребителям конкретного вида услуг, апеллирует множеством схожих по своему содержанию понятий. В статье 1 данного закона используется понятие «турист», под которым понимается «лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания, на период от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания»². В дальнейшем в законе использованы как понятие «турист», так и иные смежные понятия: «потребитель», «потребитель гостиничных услуг», «потребитель услуг, связанных с использованием горнолыжной трассы или пляжа» и «потребитель туристского продукта».

Стоит отметить, что по объему прав и обязанностей, которые возникают в результате заключения договора о реализации туристского продукта и получения иных продуктов и услуг в рамках этого договора такие лица являются потребителями в том смысле, в котором такое понятие используется Законом Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1

¹ Имеются в виду федеральные законы «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»

² Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 02.12.1996. № 49. ст. 5491.

«О защите прав потребителей». В этом случае не совсем ясна необходимость терминологического разнообразия, примененного законодателем, а отмеченная пестрота правовых категорий представляется как минимум необоснованной.

Не совсем понятно и введение Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в правовой оборот понятия «потерпевший», которое к тому же является омонимом одного из ключевых понятий, используемых уголовно-правовым законодательством, где ему придается совсем иной смысл. Из анализа упомянутого закона также следует, что потерпевший по объему прав и обязанностей является тем же потребителем, о котором ведется речь в Законе Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», отличительной характеристикой которого является лишь наличие права на получение страхового возмещения в связи с наступлением страхового случая.

Аналогичная ситуация складывается и с Федеральным законом «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», которым введено понятие «потребитель финансовой услуги». Причем таковое является более широким по своему смысловому наполнению, чем понятие «потерпевший», используемое Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», но при этом более узким, чем понятие «потребитель», используемое Законом Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

В приведенном нами примере очевидно отсутствие терминологической преемственности при принятии четырех законов, регламентирующих фактически во многом схожие по своей структуре материальные правоотношения. Используемый законодателем прием (путем введения новых понятий) предполагает возможность правоприменителя апеллировать в каждом конкретном случае несколькими схожими правовыми категориями, что приводит к терминологическому диссонансу. При этом дополнение устоявшихся терминов новыми характеризующими критериями, приводит к громоздкости используемых законодателем правовых понятий и усложнению восприятия сущности правовых норм.

Юрико-технические приёмы, используемые в законотворческой деятельности Австралии

Даже поверхностное ознакомление со структурой нормативных актов, принимаемых законодателями стран англосаксонской правовой семьи, свидетельствует об использовании в аналогичных ситуациях принципиально иного подхода. Для иллюстрации этого нами проанализированы юрико-технические приемы, применяемые законодателем Австралии для решения схожих задач.

Подавляющее большинство законов, принимаемых в Австралии, содержат два обязательных раздела, посвященных особенностям использования терминологии при применении таких законов. Первый раздел именуется «Словарь» (The Dictionary), и в нем в алфавитном порядке перечислены все используемые в данном законе ключевые термины с их определением или отсылками к нормам того или иного закона. Второй раздел именуется «Определения» (Definitions), и в нем содержится более подробное описание ключевых терминов, приведены их основные характеристики и смысловое содержание, в котором они используются в тексте закона.

Безусловно, нормативный акт может регулировать разные правоотношения и предусматривать определенные особенности, при которых данные термины нуждаются в уточнении. Однако австралийским законодателем вместо добавления дополнительных критериев к используемым терминам или введению новых использован иной прием. Одним из

примеров этому может являться Закон о справедливом труде (Fair Work Act 2009), регулирующий трудовые отношения¹. Рассмотрим детально примененные при его создании приемы работы с терминологией на примере одного из основных понятий, используемых трудовым законодательством, – «работник».

Вышеупомянутый нормативный акт носит универсальный характер, в силу чего регулирует трудовые правоотношения, складывающиеся между различными по своему правовому статусу субъектами (гражданами, иностранными лицами, сезонными работниками и т.д.) и требующие различного нормативного регулирования применительно к возникающим конкретным правовым ситуациям. По этой причине уже в самом разделе «Словарь» указано на использование категории «работник» в различном смысловом значении: в общем понимании (employee) и в понимании «работник национальной системы» (national system employee).

В разделе «Определения» (Definitions) содержатся определения обоих понятий.

Так, понятие «работник национальной системы» раскрывается через установление двух критериев: через определение характера деятельности (работник, привлеченный к выполнению трудовой деятельности работодателем национальной системы²) и через установление исключаящего признака (работник не проходит профессиональное обучение).

Аналогичным образом раскрыто и содержание общей категории «работник», под которым понимается лицо, выполняющее трудовую деятельность и не проходящее профессионального обучения. Из сопоставления таких категорий следует, что австралийский законодатель предусмотрел различный объем прав и обязанностей в отношении лиц, трудящихся на работодателей национальной системы, и на иных работников (например, работников иностранных компаний, осуществляющих свою деятельность на территории Австралии). Несмотря на это, в дальнейшем в законе используется лишь простая для восприятия и понимания общая категория «работник» (employee), однако в начале каждой из глав указывается на то, в каком из приведенных понятий таковая используется.

К примеру, в главе, посвященной применению закона (Application of this Act), и главе об общих правах работников, работодателей и организаций (Rights and responsibilities of employees, employers, organisations) содержатся оговорки о том, что понятие «работник» применяется в общем понимании. В то же время в главах, посвященных национальным условиям занятости (The National Employment Standards), положениям о вознаграждении (Modern awards), корпоративным соглашениям (Enterprise agreements), условиям труда (Workplace determinations), минимальной заработной плате (Minimum wages), и ряде других термин «работник» используется в смысле «работник национальной системы».

Такая, на первый взгляд, сложная система определения содержания ключевого для трудового законодательства понятия представляется гораздо более логичной и последовательной. С одной стороны, примененный юридический прием не утяжеляет используемую фундаментальную категорию, упрощая и сокращая восприятие содержащихся в законе норм права и юридических дефиниций. С другой стороны, цель по доведению до правоприменителя смысла нормативного регулирования, в основу которого положено дифференцирование объема прав и обязанностей двух видов работников, достигнута лишь путем различного смыслового наполнения используемой правовой категории с конкретизацией такового в начале каждой главы.

¹ Fair Work Act 2009 [Электронный ресурс] URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2021C00189/Html/Volume_1

² Под работодателем национальной системы, в обобщенной форме, понимается юридическое лицо или органы власти, зарегистрированные в порядке, установленном австралийским законодательством о корпорациях, и действующие на территории, на которую распространяется действие такого закона.

Заключение

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что юридико-технические приемы, используемые в различных правопорядках для достижения тождественных целей, существенно отличаются.

По нашему мнению, одной из ключевых целей юридической техники в целом и терминологии в частности является составление доступных для восприятия и простых для применения юридических конструкций.

В целом приведенный в статье пример использования терминологического аппарата, применяемый австралийским законодателем, представляется, на наш взгляд, довольно успешным, так как с его помощью были достигнуты поставленные цели в виде установления двух правовых режимов при регулировании трудовых правоотношений при одновременном исключении какого-либо двойного толкования норм права и сохранении простоты юридических конструкций.

Напротив, примененный российским законодателем прием при решении схожей задачи, сопряженный с введением новой терминологии и конкретизацией использованных понятий путем добавления к ним характеризующих признаков, приводит к терминологическому дисбалансу и усложняет восприятие правовых норм, что не может быть признано эффективным использованием юридической техники.

В таком разрезе видимая внешняя громоздкость исследованного австралийского Закона о справедливом труде 2009, обусловленная внутренней логикой документа и особенностями использования терминологии, по убеждению авторов, не оказывает негативного и деструктивного воздействия на порядок его применения.

Список литературы

- Гунич С.В. 2021. Системность и точность юридической терминологии в сфере конституционно-правового регулирования. Журнал российского права, 7: 41–53.
- Толстик В.А. 2016. Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социокультурное обоснование. Юридическая техника, 10: 302–307.
- Туранин В.Ю. 2017. Юридическая терминология в современном законодательстве: теоретико-правовой исследование: Автореф... дис. д-ра юрид. наук. Белгород, 46 с.
- Семякин М.Н. 2018. Юридическая техника в методологии цивилистического правоповедения. Российский юридический журнал, 36: 101–112.

References

- Gunich S.V. 2021. Sistemnost' i tochnost' yuridicheskoy terminologii v sfere konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya. [Consistency and accuracy of legal terminology in the field of constitutional and legal regulation]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 7: 41–53.
- Tolstik V.A. 2016. Trebovaniya, pred'yavlyaemye k yuridicheskoy terminologii: formal'no-logicheskoe i sotsiokul'turnoe obosnovanie. [Requirements for legal terminology: formal-logical and socio-cultural justification]. *YUridicheskaya tekhnika*, 10: 302–307.
- Turanin V.YU. 2017. Legal terminology in modern legislation: theoretical and legal research: Abstract of the... Dis. Dr. jurid. sciences'. Belgorod, 46 p.
- Semyakin M.N. 2018. YUridicheskaya tekhnika v metodologii tsivilisticheskogo pravovedeniya [Legal technique in the methodology of civil law]. *Rossiyskij yuridicheskij zhurnal*, 3: 101–112.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 04.06.2022.
Поступила после рецензирования 24.06.2022.
Принята к публикации 02.07.2022.

Received June 4, 2022.
Revised June 24, 2022.
Accepted July 2, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Туранин Владислав Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Vladislav U. Turanin, Professor, Sc.Dr. in Law, Head of the Department of Theory and History of State and Law at the Institute of Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Волков Дмитрий Анатольевич, старший преподаватель кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Dmitriy A. Volkov, Senior Lecturer of the Forensics Department, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia.